

Доктор философских наук, проректор по социально-воспитательной работе Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави А.Е.Абуов (Казахстан)
доктор философских наук, профессор И.А.Рау (Германия, Берлин),

(Германия, Казахстан)
Секция философия 6.Философия науки.

О КОНЦЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И "ВЕЧНОСТИ" ИДЕОЛОГИИ

В Германии имеется немало специалистов (Китцштайнер /Kittschteiner/, Ротермунд /Rotermund/ и др.), которые выступают за «обновление философии истории» в традициях, заложенных Гегелем и Марксом. Так Ротермунд полагает, что последнее поколение немецких философов истории слишком увлеклось Кантовской философией истории, что «Кантовский горизонт» видения истории слишком узок по сравнению с гегелевским и что его надо «перешагнуть». И. Китцштайнер говорит об узости Кантовского подхода, ссылаясь при этом на самые разнообразные авторитеты, начиная с Адама Смита и кончая Фридрихом Ницше и Вальтером Беньямином (Benjamin).

В этом же направлении рассуждала и Анна Аренд (Hannah Arendt). Она, в отличие от Беньямина, сомневалась, на основе анализа трагических событий XX века и достаточно критического подхода к «Диалектике Просвещения» Теодора Адорно (T. Adorno) и Макса Хоркхаймера (M. Horkheimer) в возможности теоретически выверенной концепции философии истории. Она занималась, скорее, описыванием непреодолимых трудностей, стоящих на пути создания такой концепции. Она указывала на тот факт (по её мнению), что современное ей общество и соответствующее ему понимание истории, не в состоянии удовлетворить потребность своих членов в поисках смысла общественной жизни и всей истории («das Bedürfnis nach Sinnstiftung befriedigen») /1, с. 23/. Она констатирует, что с начала XX столетия наблюдается дефицит осмысленности и, ответственности, рост бессмысленности «Wachstum der Sinnlosigkeit», что современники оказались перед руинами прежних категорий мышления и масштабов суждений («Ruine unserer Denkkategorien und Urteilsmaßstäbe»). Аренд пишет о большой опасности для человечества попыток опирать философию на историю. На ту описательную и идеологизированную историю, которая предстала в трудах подавляющего большинства современных историков /2, с. 117, 122, 124/. Так представленная история может служить только для философии ужасов и бессмысленности исторического бытия. Она настаивает на необходимости интеллектуального разрыва («Bruch») с крайностями рационалистического

Просвещения, разрыву, который бы соответствовал фактическому "разрыву" истории в XX столетии, показавшего всю иллюзорность просвещенческой рациональности. Аренд призывает к идеологически свободному и «страстному» («leidenschaftliches») мышлению с выходом за занятыми дедами духовными и интеллектуальными территориями («Geländer»). Основные трудности на пути возникновения такого мышления - 1) идеологические препоны, 2) сугубо рационалистические представления о природе человека и общества, 3) обожествление науки как благотворно-преобразующей силы человека, общества и природы. От философии истории, не преодолевшей эти трудности, трудно сегодня ожидать положительные импульсы как для самой философии, так и для понимания истории (или, как привычно говорят, исторической «науки») /3, с. 74/.

Радикальный скепсис Аренд относительно возможности философии истории переносится ею и на саму историческую науку. В *Vita activa* она пишет, что «история состоит не из чего другого как многих историй»/4, с. 13/, и эти отдельные истории сообщают о событиях и фактах («Geschehnissen und Ereignissen»), а не о таких-то или иных силах, действия которых предсказуемо, или об идеях, развивающихся логически. То есть из самих себя. Развиваться можно, как известно, только из самого себя. Человека, к примеру, извне не разовьёшь, как ни помогай. Он сам должен развиваться. Эти события и факты становятся опасными, могут приводить к социальным катастрофам тогда, когда их используют как замещение самой исторической реальности, как копии, содержащие указание на то, какой, собственно, история должна была бы быть. При этом забывают, что количество альтернатив тому, что произошло, какое угодно. Забывают и то, что это «могло бы быть иначе», которое всегда понятно нам и нашему окружению, никогда не может заменить действительно произошедшего. Сопоставление исторических альтернатив есть лишь интересная игра, способствующая размышлениям о событиях, если опираться на достоверную информацию о них /5, с. 247/.

Продолжение этого подхода, со ссылками на возможные катастрофы несколько иного характера мы видим в трудах П. Алхайта (P. Alheit) и У. Бека (U. Beck) и других современных мыслителей. Они пишут о рискованных потенциалах второй ступени модернизации современного общества («der zweiten Moderne»). Многими современными авторами (Бекет Нуржанов и др.) она обозначается как «постмодернизм» («Postmoderne»). Бек показывает опасности превращения обычного современного индустриального общества в рефлексивное, т.е. дословно – «повторное современное», постмодернистское общество («reflexive Moderne»), которое происходит на наших глазах. Это следующие опасности: 1) глобализация рисков для общества в целом («Globalisierung gesellschaftlicher Risikolagen»); 2) индивидуализация социального неравенства; 3) рефлексация (само- и переоценка) современного знания.

Посмотрим внимательнее на эти опасности.

Глобализация рисков. .. Возникли «общества рисков» («Risikogesellschaften») в различных частях мира. Эти общества продуцируют околологические, ядерные, химические, генетические, электронные и психотронные и прочие новейшие технологии и вооружения. Все они несут в себе потенциал уничтожения как собственного общества так и человечества в целом.

Эти потенциалы породили новое качество мировой истории. И это потому что они: «... ни территориально, ни по времени (действия последствий - И.Р., Т.Ж.), ни социально (действуют на всех - И.Р., Т.Ж.) не ограничены;...они не могут быть определены по существующим правилам к однозначным социальным отношениям причины, вины и ответственности;...они ничем не компенсируемы и не поддаются сколь-либо рациональной страховке.» /6, с. 10, 6/. Устранение этих рисков непосильно для национальных государств и нуждается в возникновении мировой политической воли, принимающей решения, обязательные для исполнения на основе консенсуса. Сегодня такого общечеловеческого Субъекта не видно ни экономике, ни в политико-государственных образованиях, ни в известных формах гражданского общества (Zivilgesellschaft). Человечество, вопреки всем успехам глобализации, всё более разобщается в решении общечеловеческих опасностей и рисков (отдельные государства и их группировки не могут договориться по животрепещущим вопросам, не терпящим отлагательства или останавливаются на паллиативах, ООН бессильно и т.д.). Современное индустриально-информационное общество, с его невозможностью преодолеть указанные и другие риски, явно подошло к границам своей возможной самозащиты от саморазрушения.

Индивидуализация социального неравенства. Представители постмодернизма («die zweite Moderne oder Postmoderne») указывают на драматические изменения в социальных структурах современного общества. Эти изменения обусловлены «таянием («Wegschmelzen») традиционной социально-моральной среды»/7, с. 206/. К этому добавляется новая кодировка социальных различий через плюрализацию форм и стилей жизни («Lebensformen und Lebensstilen»)/8, с. 75/. Всё более тают антагонистические противоречия между классами и социальными слоями, что делает всё более сложной политическую жизнь государств и запутанными отношения между политическими партиями /9, с. 9/.

Релаксация (примерно: облегчающая /оздоравливающая/ само- и переоценка) современного знания. Наивное доверие в научное знание, в научный разум и его преставителей (лауреатов Нобелевской премии и др.) и во всемогущество научного знания у мыслящих людей на глазах уменьшается. Научные знания приносят с собой всё большее число опасностей и рисков, могущих быть смертельными для человечества, но не даёт соответствующего уровня возможностей устранения этих опасностей и рисков. Ситуация усложняется тем что наука в лице учёных является важной частью гражданского общества, которое должно было бы противостоять опасностям и рискам, исходящим от государства, экономики и науки. Но

через учёных и само гражданское общество становится источником таких рисков. «Онаучивание» («Verwissenschaftlichung»), научная рационализация всех сторон жизни («aller Lebensbereiche») не только ограничивает порою до нестерпимости естественный проявления жизни, но и оставит всё больше неразрешимых наукой проблем.

Науку как потенциально опаснейшую угрозу для самого существования человечества и человечности рассматривали известные русские мыслители (Бердяев Н.А. Франк С.Л. и др.) /10, с. 144, 413, 4, 5/. И речь должна идти не только о новых видах и родах технологий и вооружений (например - психотронном оружии, «обесчеловечивающее» человека), становящихся всё более изощрёнными, но и о других факторах, углубляющих кризис гуманности. Мы находимся в начале развивающегося кризиса веры в Творца, в политику и политические партии, в святость Родины, семьи, материнства, отцовства и детства и т.д., и т.п. К тому же многие национальные культуры - незаменимое богатство человечества - находятся на грани вымирания или целенаправленного уничтожения. Их достоинство, как и достоинство каждой отдельной личности всё более подвергаются, несмотря на все конституционные «гарантии» нарастающим угрозам (современная техника позволяет наблюдать за всеми, всегда и везде).

В дебатах о философии истории к концу 20 столетия уже заметны идеи, приведшие к представленным выше воззрениям. В этих дебатах противостояли два, по крайней мере лагеря с некоторыми фракциями внутри каждого. Представители первого лагеря делили свои выводы на основе осмысления опыта Первой Мировой войны. Первоначально его представлял Вальтер Беньямин (Walter Benjamin). Большинство мнений внутри этого лагеря представлено в творчестве Мартина Хайдеггера, а меньшинство - Анной Аренд. Хайдеггеровская фракция диагностирует наличие кризиса в понимании философии истории, идущего параллельно с кризисом ценностей и смыслов («Sinnkrise») в жизни отдельного человека и общества. Однако в этой фракции превалировало убеждение, что философич истории может возродиться после выхода из вышеуказанного состояния кризиса. Меньшинство во главе с Аренд полагало, что систематическая, базирующаяся на внятных логических и ценностных основаниях философия истории после Второй Мировой войны уже невозможна. Это же мнение представляли Генрих Брох (Heirich Broch) и Карл Поппер.

Второй лагерь представлен мыслителями, стремившиеся, несмотря на драматические события 20го столетия, отстаивать возможность разумной философии истории для любого периода развития общества. Этот лагерь делится на три группы. Первая представлена философами аналитической ориентации А. Данто (A. Danto), Г. Уайт (H. White) и К. Рёттгерс (K. Röttgers), стремившимися обосновать возможность построения разумной философии истории. Ко второй группе относятся философы марксистской ориентации. Третью представляют авторы, надеявшие открыть общий смысл истории вне марксистских представлений (О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс). Из последней троицы только Ясперс был настоящим философом.

Примечательно такое обстоятельство: почти все эти группы и направления воспринимают прямо или косвенно гегелевскую концепцию философии истории как главного оппонента. Исключение марксистская философия истории, которая рассматривает Гегеля и как предшественника, а не только критикует его. Само оппонирование Гегелю среди немарксистов имеет неоднозначный характер. Ясперс прмыкает к некоторым положениям Гегеля и в то же время отрицает его концепцию в целом («anknüpft in ablehnender Grundhaltung»); Хайдеггер утверждает, что настоящая философия истории начинается там, где гегелевская кончается. В аналитической философии стремятся гегелевские взгляды, как большое заблуждение, опровергнуть.

Как уже отмечалось многими, могучий толчок к переосмыслению философии истории дали две катастрофы 20 века, оставившие нестираемые чёрные следы в самосознании человечества - первая и вторая Мировые войны. Обе катастрофы имели наибольшие последствия для двух стран - России и Германии. И это как с точки зрения потерь человеческих (количественных и качественных: на войне в первую очередь умирают не худшие, а лучшие люди), так и с точки зрения потери своего места в глобальном театре международных сил и потенциалов развития.

Казалось бы в обеих странах должен был бы начаться интенсивный и всесторонний процесс духовного освоения, осмысления этих двух катастроф с тем, чтобы попытаться не допустить их повторения. Но фактически этот процесс развивался лишь в Германии; в СССР он был придавлен политическим и идеологическим монополизмом. И понадобилась третья катастрофа регионального уже характера, но со всемирными последствиями: распуск - распад СССР, что бы начала постепенно биться творческая мысль в области философии истории сначала в националистической и религиозной формах или в их синкретичности.

Но вернёмся к некоторым процессам, происходившим не только в области философии истории, но и в идеологии. Известно, что идея «конца истории» была косвенно высказана ещё Гегелем. Он полагал, что достижение целей, поставленных французской революцией 1789 года всем человечеством и будет условным концом человеческой истории. И это с той точки зрения, что история после достижения этих целей станет уже по-настоящему человеческой. В марксизме-ленинизме этот ход мысли будет повторён в тезисе, что конечная цель человечества - коммунизм.

Такие весьма своеобразные «повторы» можно было наблюдать в марксистской философии после Маркса при толковании понятия «идеология». Самим Марксом идеология определялась в «Немецкой идеологии» как «ложное сознание» («falsches Bewußtsein»). Распространение марксизма в мире в последней трети 19го века и первой трети 20го века несло с собой и, мягко говоря, неожиданные изменения в понятийном аппарате марксизма. Эти изменения напоминали нередко в мировой истории ситуацию, когда завоеватели оказывались завоёванными культурой завоёванных стран.

Малозаметный ещё, молодой Ленин в 1894 году говорил о «трудящихся и их идеологии»/11, с. 303. На конгрессе, основавшем II Интернационал в июле 1889 года русский делегат Георгий Плеханов говорил о «наших революционных идеологах». Он же, в речи по случаю 20летия смерти Карла Маркса определял его как «идеолога пролетариата»/12, с. 5/. Для голландца Антона Паннекука (Pannekoek) социализм был «идеологией современного пролетариата» /13, с. 121/. В то же время Паннекук полагал, что социалистическая идеология, в противоположность другим классовым идеологиям, есть «чисто научное учение». И, наконец, через два поколения после смерти Маркса его антиидеологическая перспектива была представлена как её противоположность, как перспектива вечности идеологии. Луис Алтюссер (Louis Althusser) писал: «Только идеологическое мировоззрение могло придумать общество без идеологии», и «исторический материализм не может себе представить, что коммунистическое общество когда-либо сможет обойтись без идеологии». /14, с. 182 Выделения косым шрифтом повсюду наши - авторы/. Анализ этой трансформации, как и многих других, требует отдельных углублённых исследований молодыми, в первую очередь, сторонниками марксизма. И не только ими. Если рассмотреть перенос идей Николая Бердяева на творчество крупного швейцарского философа и теолога Ханса Урс фон Бальтазара (Balthasar, Hans Urs von) или влияние творчества отца Сергия Булгакова на именитого французского философа Луи Буйе, то увидим не менее интересные трансформации.

Литература:

1. См.: Lambrecht L. Fragwürdige Traditionsbestände der abendländischen Gischichtsphilosophie. In: X. Annalen der Internationalen Gesellschaft für Dialektische Philosophie Societas Hegeliana, Frankfurt am Main/Berlin/Bern 1998, S. 23 Аренд могла иметь ввиду и смыслы личной жизни, но это уже другая тема.
2. Arend H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I. München/Zürich 1994, SS. 117, 122, 124.
3. См. Schäffler R. Einführung in die Geschichtsphilosophie. Darmstadt 1980, S. 74.
4. Вспомни, уважаемый читатель, : "Сегодня на Патриарших будет интересная история!" Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита. Алмата 1987, Жалын, стр. 13. История предстаёт как совокупность отдельных событий - историй. Беда же в том что слово "событие" не рассматривается как категория, не определено как категория исторической науки и философии истории.
5. См. Arendt Hanna. Vita Aktiva oder Vom tätigen Leben. München 1960, S. 247 f.
6. Beck U. Politik in der Risikogesellschaft. Frankfurt am Main 1991, S. 10. В России распространяется противоположная точка зрения и речь нередко идёт о "закате индивидуальности в перенаселённом мире", о "всё большей повязанности и коррумпированности человека обществом". Игорь Клех. Дредноут худлита. В: NG -EX LIBRIS, 24.01.2013, стр. 6.
7. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main 1986, 206.
8. Vgl. Vester M u.a. Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel. Zwischen Integration und Ausgrenzung. Köln 1993, S. 75.

9. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Frankfurt am Main 1993, S. 9.
10. Siehe: Berdjaew N.A. Sinn der Geschichte, Moskau 1990, S. 144 u.a. (russ.); Frank S.L. Licht in der Dunkelheit. Erfahrung einer christlichen Ethik und Sozialphilosophie. In: Frank S.A. Geistige Grundlagen der Gesellschaft. Moskau 1992, S. 413 u.a. (russ.); Chamidow A.A. Humanismus als Diskurs. Almaty 2012. Institut für Philosophie, SS. 4 -5 u.a. (russ.)
11. Lenins Werke. Volksfront, Bd. 1, S. 303.
12. Plechanow. Gesammelte Werke, 1903, Bd. 1, Karl Marx, S. 5.
13. Pannekoek O. Klassen der bürgerlichen Gesellschaft und ihre Funktion im Klassenkampf-Hamburg 1909, S. 121.
14. Althusser L. Für Marx. Frankfurt am Main 1968, S. 182